

Ева Полынь

A movie poster for 'Wolf's Den' (Волчья Падь). The central image is a split-face portrait: the left side shows a young man with dark, wet hair and intense yellow eyes, while the right side shows the head of a black wolf with matching yellow eyes. A thin vertical line separates the two. The background is a dark, misty forest. In the top left corner, there is a decorative golden emblem. The title 'Волчья Падь' is written in large, golden, textured letters at the bottom, with the subtitle 'Легенды таёжной земли' below it.

Волчья Падь

Легенды таёжной земли

Ева Полянъ

**Волчья Падь. Легенды
таёжной земли**

«Автор»

2026

Полынь Е.

Волчья Падь. Легенды таёжной земли / Е. Полынь — «Автор»,
2026

В сибирской тайге, где волки приходят к самой околице, охотник Назар встречает того, кого не должен был. У Назара рождается сын. Красивый, сильный, с глазами цвета янтаря. Люди шепчутся. Только Васёна смотрит на него нет отводя взгляда. Но тайга не прощает, а прошлое не уходит. Матвею придётся сделать выбор: остаться человеком или принять то, что живёт внутри него.

© Полынь Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Охота	5
Глава 2 Негаданная встреча	8
Глава 3 Пробуждение	11
Глава 4 Начало	14
Глава 5 Незримая битва	18
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ева Полынъ

Волчья Падь. Легенды таёжной земли

Глава 1 Охота

*Глубоко в тайге стоит деревушка — Волчья Падь её кличут.
Потому как рождаются там мальчики
с
жёлтыми глазами. Поговаривают люди, что кровь у них волчья,
проклятая. И только старожилы знают, с чего всё началось.*

Рано лёг снег в ту зиму. Напорошило так, что дворы утопали в сугробах. К Крещению ударили лютые морозы. Волки кружили у самого села. По ночам из леса тянулся долгий протяжный вой — аж кровь застывала. Бабы затемно боялись из дому выходить.

Прошлой ночью волки наследили у крайних домов, что стоят ближе к лесу, да пса у Игната чуть не разорвали. Еле отбил — благо почти в каждой избе есть ружьё.

Жители начали спускать собак с цепей, жгли костры на околице, мужики дежурили по улицам с ружьями.

Звезды ещё стояли высоко, ярко светили на иссиня-черном небе, ночь не спешила отступать. В избе было тепло, пахло хлебом и кашей.

Назар тихо соскользнул с койки, задёрнул занавеску и подошёл к столу. Сибирский мужик — кудрявый, светло-русый, с широкими плечами и большой бородой. Он зажёл лучину у лавки, застеленной хубсаром*. Рыжий огонёк заплясал по стенам, освещая угол комнаты. Назар зевнул и потянулся за ружьём. Проверил кремён, подсыпал порох.

Тяжело ступая, шаркая по полу шерстяными чулками, к мужу вышла Груша. Рукой подпирала поясницу. Тугая чёрная коса тянулась вдоль спины. Женщина была буряткой, до замужества звалась Саяной. Назар влюбился без памяти в её раскосые карие глаза и сразу же сосватался.

— Мать, пошто встала? — Назар накрыл ладонью большой, уже опустившийся живот. — Он спит, и ты спи. Со дня на день сын попросится — силы будут нужны.

— Провожу... Сейчас на стол соберу.

Женщина, переваливаясь, подошла к печи, раскрыла заслонку, достала ухватом чугунок с кашей, заправленной салом, поставила перед мужем. Сама села напротив, поглаживая круглый живот. Назар черпал дымящуюся кашу прямо из чугунок деревянной ложкой, закусывая кислым хлебом.

На запах вышла рыжая кошка — толстая, холёная. Она вальяжно сделала круг у хозяйских ног и запрыгнула на лавку вылизываться.

— Боязно мне, Назарушка, — тихо сказала Груша. — Векша гостей намывает. Не к добру сегодня на волка идти.

— Не бойсь, Груня. Бог даст, отгоним волка в тайгу. Все охотники нынче выходят, неужто я один дома останусь?

Назар взял кусочек сала и бросил кошке. — Векша, полно лизаться.

Кошка мигом спрыгнула на пол, схватила угощение в зубы и спряталась под лавкой.

— Дай Бог, — тихо ответила Груша.

Она взяла тонкую щепу, подожгла от лучины и поднесла к лампаде в красном углу. Маленький огонёк, трепыхаясь, замерцал, освещая иконы.

— Убереги нас от дурного и нечистого, — женщина перекрестилась, бросила щепу в печь.

Пока Назар хлебал кашу, Груша решила приготовить мужу заутран. Покопавшись в закромах, она достала тёмный брусок, завернутый в холстину. Отбив ножом кусок, бросила его в котелок с кипятком. По избе разлился густой, терпкий дух. Затем подлила вечернего молока, бросила щепоть соли, ложку масла и поджаренной муки. Половником разлила сытный чай по глиняным кружкам.

— На, выпей, — сказала она, подавая мужу одну. — Чтоб не озяб в лесу.

Назар глотнул обжигающий солоноватый напиток — приятное тепло разлилось по телу. Он зачерпнул ложкой со дна разбухшую чайную заварку с мукой и отправил в рот.

— Выходить мне скоро. Иди подремли ещё.

— Провожу тебя, тогда уж.

Груша убрала чугунок с кашей обратно в под и прикрыла заслонкой. Взяла вторую кружку, сделала глоток. Лёгкая улыбка тронула её красивые губы.

— Айда-ка, послушаю, — Назар опустил на колено, приложился ухом к беременной жене.

— Спит, еще видать, — сказал он Груше. И прошептал, глядя на живот: — Скоро свидимся, Матвейка.

Мужчина верил повитухе — уж после трёх дочерей должен быть сын. Дашутка десяти лет мирно сопела на полатах. Девочка пошла в мать — миндалевидные глаза, тёмные густые волосы, прямые, как конский хвост. Дуняша семи лет и Маняша пяти лет спали на печи. Они уродились похожими на отца — светлые глаза и волосы. Младшая унаследовала от Назара ещё и кудри.

Охотник надел треух, замотал шею шерстяным платком. Груша подала мужу хлеб и сало. Мужчина спрятал еду за пазуху — чтоб не замёрзло. На пояс повесил кисет с огнивом, нож в кожаных ножнах, маленький рожок с порохом для подсыпки. Перекрестился на красный угол и взялся за ручку двери. За околицей, со стороны леса, снова протянулся волчий вой. Векша выгнулась и зашипела.

— Господи, помилуй, — зашептала Груша.

— От, дурная животиная, — усмехнулся Назар. — Хозяйку испужала.

Он крепко обнял жену:

— Сына береги, я скоро.

Груша перекрестила мужа в спину и осталась стоять, глядя на дверь. Затем, переваливаясь, подошла к окну, откинула льняную занавеску, вышитую красной нитью, попыталась разглядеть Назара, но лишь пламя от факела мелькнуло во тьме и тут же растворилось.

Она медленно подошла к сундуку, откинула крышку. Бросила взгляд на печь — дети спят. Запустила руку под меховой кафтан, достала онгон* — деревянную фигурку волка. Очень быстро что-то шепнула и спрятала обратно.

Встретиться сговорились у Игнатьева дома, а там уже толпой на опушке. Игнат вышел в сени в распахнутом тулупе, изо рта валил пар. Крепкий мужик — косая сажень в плечах. Брови густые, борода с проседью.

— Все?

— Десять рыл.

— Добро. Значится так — ходит матёрый с ватагой, штук пять-шесть. Назар, ты стрелок. Кого с собой берёшь?

— Дед Кузьма, Георгий, Фёдор.

Мужики согласно кивнули.

— Добро. По номерам вставайте, как в прошлый раз. Загонщиками пойдут Санька мой, Петька, Савва и я.

Санька — старший сын Игната, толковый парень, не раз уже на охоте бывал, на голову выше бати. Петька — друг его. Савва — мужик средних лет, молодым на подстраховку. Несмотря на возраст, дюже шустрый.

— Степан слева, Прокоп справа.

Не курить и не кашлять. Кто закурит — шкуру спущу. Не разговаривать, громко не сморкаться. Ежели волка завалите — орём «Готов!», на помощь сигнал «Сюда!». Дай Бог загоним их, мужики.

Игнат перекрестился, следом за ним остальные охотники. Командир надел шапку, застегнул тулуп, подхватил на плечо подволоки:

— Выходим.

Охотники вышли из села, прошли вдоль крайних изб, мимо стогов, утонувших в сугробах. Впереди чёрной стеной встал лес. Волчьи следы уходили в чашу, но один отпечаток был огромен — даже для матёрого. Игнат, самый бывалый охотник, таких не видывал. До опушки добрались по насту, а там надели лыжи. В глубине каркнула ворона, и лес затих. Командир окинул взглядом мужиков — все на месте. Санька сглотнул так, что дёрнулся кадык.

— Не бойсь, — шепнул отец. — Загоним.

Он смочил палец и поднял его вверх — проверить, откуда ветер. Жестом показал занимать позиции. Охотники на широких подволоках вошли в лес.

Назар встал у кривой лиственницы, снял лыжи и поставил рядом, воткнув их в глубокий снег. Слишком тихо. Даже снег под ногами не скрипел - словно в ожидании. Будто лес уже знал, за кем он пришёл.

Игнат с загонщиками зашли в тыл, встали цепью, растянувшись дугой, охватывая лог с трёх сторон.

— Э-ге-ге-ей! — заорал он во всё горло.

Остальные подхватили: лихо засвистели, загремели трещотками.

Назар притаился за лиственницей. Сердце его бешено колотилось, несмотря на мороз, он почувствовал жар в теле. Чем ближе слышался шум загонщиков, тем крепче охотник сжимал ружьё. Прогремел выстрел со стороны Фёдора:

— Готов! — проорал тот.

Затем дед Кузьма:

— Готов, мать его!

Назар затаил дыхание. Из кустов, прямо на него, припадая на переднюю лапу, вывалился матёрый.

Охотник вскинул ружьё, нажал на спусковой крючок. Щёлк — осечка. Волк уже близко, глаза горят жёлтым светом, взгляд — будто людской, не звериный вовсе. Время остановилось. Зверь смотрел прямо на Назара.

Сердце колотилось, перед глазами мелькнули жена и дочери.

Спуск пули попала в зверя. Он запнулся, кувырком полетел прямо к ногам Назара. Ледяной снег ударил в лицо. Мужик выругался, опустил взгляд и замолчал. Перед ним лежал человек.

*Хубсар (бурят.)- меховые коврики из конских камусов(шкуры с ног лошади), сшитые мозаикой

*Онгон (бурят.) - дух помощник, который обитает в небольшом предмете

Глава 2 Негаданная встреча

Перед ним лежал человек. Назар крепко зажмурился, открыл глаза — не почудилось.

Молодой мужчина, высокий, с жилистым телом, был совершенно нагой. От него шёл пар, словно только из бани, а из ран сочилась кровь.

Человек медленно поднялся на ноги, Назар заметил, что правая рука болтается плетью вдоль тела. Глаза светились жёлтым огнём.

Он был на голову выше охотника и пошатывался от ран. Оборотень шумно потянул ноздрями воздух, почуял запах и сделал шаг назад.

— Отпусти меня, Назар. Не трону тебя, — прохрипел мужчина, тяжело дыша. Грудь его ходила ходуном, рот был открыт. Охотник заметил четыре клыка, выделявшиеся среди остальных белоснежных ровных зубов.

— Нечисть... — прошептал Назар. — Пресвятая Богородице, моли Бога о нас! — он перекрестился. Человек не исчез.

— Не место нечисти на нашей земле, — рявкнул охотник. Вскинул ружьё, зажмурился и выстрелил прямо в сердце мужчине. Тот пошатнулся, упал на колени, но тут же вскочил, схватил левой рукой Назара за горло и поднял над землёй. Охотник захрипел, перебирая ногами в воздухе, пытался дотянуться до ружья, выронил его в снег.

— Не место?! — взревел оборотень, что вороны над лесом разлетелись.

— Теперь в твоём доме нечисть будет жить.

Он швырнул Назара в дерево. Мужик съехал спиной по стволу в сугроб, сверху обрушился снег, державшийся на ветвях ели. В глазах потемнело. Сколько времени прошло — Назар не помнил. Очнулся, когда Игнат растирал его лицо снегом:

— Жив! Жив, стервец эдакий! Пошто на помощь не кличешь?

Назар начал жадно хватать воздух, но дышать было больно, грудь и спину ломило, голова раскалывалась. На затылке, перемазанном кровью, вздулась шишка. Зубы застучали, лицо стало белым, как береста.

— Нечисть, — прошипел он. — Нечисть видел.

— Эка его разморило, мужики. Лыжи сымайте, вяжите ремнями, живо! Санька, Степан — один тулуп на волокуши, вторым Назара закрыть. Сами тащить будете — не околеете. Савва, Петька — идёте с ними, будете меняться. Мы останемся туши собрать. Да, быстрее, мать вашу!

Назара загрузили на волокуши, накрыли тулупом. Шли быстро, временами сменяя друг друга.

— Живой? — то и дело орал Степан.

— Да, жив покамест, — хрипло отвечал Назар.

В глазах темнело, он то и дело проваливался в сон, тогда Петька или Санька хлестали его по щекам со всей дури:

— Не спи, дядя Назар! Почти дошли, не спи!

Савва скинул свой тулуп и накрыл вторым слоем, затем схватился третьим тащить волокуши.

Вошли в село, все запыхавшиеся, разгорячённые.

— Петька, тащи с нами, Санька, за бабой Стешей бежи скорее, — скомандовал Степан.

— Держись, Назарка! Дома почти, — бодрились мужики.

Груша так и не уснула, проводив мужа. Отправилась шуршать по хозяйству, на душе скребли кошки. Печь давно прогорела, в избе стало прохладно. Груша запалила новую лучину, но свет не разгонял тревогу. Она то и дело выглядывала в мутное окно, подходила к образам, крестилась.

— Векша, уйди с глаз долой, — шикнула женщина на кошку, которая тёрлась у её ног. Наконец Груша услышала, как стукнула дверь в сених. Она выглянула из избы. Трое мужиков — двое спереди и один сзади — подняли волокуши на плечи, чтобы занести раненого в дом.

— Ай, харалтай!* Назарушка! — кинулась женщина к мужу.

— Груша, дай пройти! — рявкнул Степан.

Она прижалась к стене, придерживая дверь дрожащей рукой.

Назара занесли в дом, прямо на тулупе переложили на койку. Он тихо постанывал, дышал со свистом и, кажется, провалился в беспамятство.

— Волк подрал? — запричитала Груша. — Говорила не ходить сегодня, погодить — он упёрся рогом.

— Жив, и слава Богу, — тихо ответил Савва.

— Сейчас Санька бабу Стешу приведёт, — сказал Петька, сам ни жив ни мёртв от страха.

Баба Стеша — местная травница, лекарь, повитуха. Не счесть, сколько раз она латала охотников, детишек лечила, роды принимала.

Восьмой десяток ей стукнул нынче, а сил — как у молодухи.

— Груша, горячей воды тащи, — скомандовала старуха, лишь перешагнув порог.

— Сейчас, сейчас, — женщина полезла в печь за чугуном.

— А вам по домам пора, — глянула баба Стеша на охотников. — Нечего тут глазеть.

Мужики перекрестились на красный угол и толпой вышли из избы.

— Ты давай тоже, лучину мне поставь и уйди отседа.

Груша поставила у кровати чугунок с горячей водой, лучину, притащила тряпки. Задёрнула занавеску у койки и стала к иконам.

Она тихонько читала молитвы, часто-часто крестилась. Временами слышала, как муж стонал, охал, баба Стеша что-то шептала.

Сквозь занавеску женщина видела, что старуха склоняется над Назаром, размахивает руками у его головы.

— Маменька, — позвала Маняша. Сонное, румяное от печного тепла личико выглянуло из-за шторы. Кудрявые белые волосы растрепались в стороны, местами топорщились.

— Маняша, спускайся ко мне, — ответила Груша. — Девочки проснулись?

— Дрыхнуть ещё.

Маняша резво перевалилась через край печи, нащупала ногой лесенку и спрыгнула вниз.

— Тятку волк подрал? — прошептала она, шлёпая босыми ножками к матери. — Помрёт теперича?

— Ну-ка обувайся, застудишься, — Груша ладонью вытерла мокрое от слёз лицо, нащупала за печной трубой чуни и бросила дочери под ноги.

— Тепло мне, маменька, — Маняша подошла и обняла её, прижавшись головой к животу. — Ты не плачь, братика испугаешь.

Груша снова хотела зарыдать, но сделала глубокий вдох и крепко обняла дочь.

— Не плачу, звёздочка моя.

— Побудить девок?

— Нет, пусть ещё подремлют.

— Всё, — выдохнула старуха, выходя от больного.

— Всё? — закричала Груша так, что старшие дочери повскакивали.

Они спрыгнули на пол, растирая кулачками сонные глаза.

— Ну чавой разоралась? Жив.

— Жив... — повторила женщина и кинулась целовать бабке костлявые руки.

— Погодь ты! — отпрянула она. — Рёбра переломаны, голову разбил, а укусов нет. Не волк это.

— А кто ж тогда?

— Мне почём знать? У охотников поспрашай. Сами, что ль, поколотили его?

Груша молча стояла посреди избы и смотрела на бабу Стешу немигающим взглядом.

— Вот, — старуха сунула ей в руки льняной мешочек с травами. — Сегодня поить будешь. Тряпку на голове мочи, смотри, чтоб холодная была. Святой воды дай попить. Коль сегодня очнётся — меня покличь. До завтра доживёт — там поглядим. Николаю Угоднику молись да акафист читай. Теперь на всё воля Божья.

— Я сейчас в погреб сбегаю, — спохватилась Груша. — Мёду принесу.

Накинула тулуп и, тяжело ступая, вышла в сени. Вернулась с берестяным туюском, сверху залитым воском.

— Вот, — протянула его старухе, которая уже собиралась выходить.

— Спасибо, хозяйка, — баба Стеша приняла подарок, спрятала за пазуху. — Назар крепкий мужик, не бойсь. Да и тебе со дня на день родить, так что зови.

— Спасибо, — прошептала Груша.

Старуха отправилась домой, на улице уже рассвело.

Женщина села на лавку, закрыла лицо ладонями.

— Маменька, маменька, — окружили её дочери. — Тятя захворал?

— Захворал, — выдохнула она. Опёрлась руками о колени. — Сейчас покормлю вас.

Маняша взяла кошку на руки, крепко прижала к себе:

— Векша тоже хочет.

— И Векшу накормим, — Груша тяжело поднялась, кряхтя, опираясь на лавку. Достала ещё тёплый чугунок из печи и поставила на стол.

Девочки взяли деревянные ложки, начали жевать кашу — все из одной посуды.

— Нечисть! — взревел Назар за шторкой.

Дочери пораскрывали рты, испуганно глядя на мать. Маняша расплакалась.

— Ешьте! — гаркнула Груша. — За мной не шастать, — и, переваливаясь, поспешила к мужу. Откинула занавеску. Назар лежал в бреду: рубаха взмокла — хоть выжимай, он дрожал и пытался ухватиться за край кровати.

*Харалтай (бурят.) — горе, беда, проклятие.

Глава 3 Пробуждение

— Назар, Назар, нюдөө ани !* Посмотри на меня! — Груша спешно начала обтирать лицо мужа мокрой холодной тряпицей. — Пресвятая Богородице, убереги нас от дурного и нечистого!

Назар вздрагивал, жадно хватал ртом воздух, пот катил градом по красному лицу.

— Пить, — прохрипел он.

— Сейчас-сейчас, я скоренько, — Груша налила в чашку святой воды из кувшина и поднесла к губам мужа, приподняв его голову. Назар начал жадно пить, давясь и откашливаясь.

— Спасибо, Господи! — прошептала женщина.

Она облегчённо вздохнула, почувствовала запах арсы*, что накануне развесила дома. С горечью посмотрела на мужа — совсем слаб, а роды уже близко.

— Маняша, не хныч! — грозно сказала Дашутка, сверкнув карими глазами. — Бери ложку и ешь.

Малышка размазала по щекам слёзы, вытерла нос о воротник и послушно продолжила трапезу, временами опуская ложку под стол, чтобы Векша слизала жирную кашу.

Дуняша не вытерпела, соскочила с лавки, побежала к отцу.

— Дунька, сядь! — крикнула Дашутка, но та уже стояла у занавески.

Чуть отодвинув ткань, девочка заглянула на койку. Отец тяжело дышал, лёжа на подушке.

— Больно тятя? — шёпотом спросила она.

Груша обернулась к дочери:

— Больно, Дуняша, но мы это дело поправим. — Она ласково погладила мужа по руке.

Девочка медленно подошла к изголовью, тронула мокрые отцовские кудри, положила ладошку на его щёку:

— Тятя, не болей. Скоро братик родится, тебе надо его посмотреть.

— Дуня, — хрипло отозвался Назар.

Дашутка с Маняшей ринулись к отцу, обгоняя друг друга:

— Тятя!

— Тятя проснулся!

Дети облепили отца со всех сторон, галдели, тянули к нему свои ручки.

Назар хотел приподняться, но раскашлялся, сил в руках не было. Он бессильно опустился обратно на подушку.

— Лежи-лежи, не подымайся, — Груша поправила одеяло. — К вечеру баба Стеша придёт, поглядит тебя.

— Чего глядеть, вот он я. Сейчас отлежусь чутка, пойду снега в баню натаскаю, — ответил Назар, глядя Маняшу по макушке.

Дуняша забралась на кровать к отцу, обняла за шею. Дашутка села рядом с матерью:

— Маменька нынче плакала.

Мужчина поднял на жену виноватые глаза:

— Прости меня, Груня, не послушал тебя.

— Чего уж теперь, — тяжело вздохнув, ответила она, поглаживая живот обеими руками.

— Дашут, айда ко мне, — протянул руку к дочери Назар.

Девочка подвинулась к отцу, положила свою ладошку на его горячую ладонь:

— Ты уж, тятя, больше так не делай. Испугались мы, и Манька вон хныкала.

— Не буду, — хрипло ответил он.

— Так, пострелята, — сказала Груша, поднимаясь с койки. — Хватит отца маять. Бегом за стол!

Девочки зашлёпали по полу босыми ногами.

Груша подошла к изголовью:

— Рёбра кто тебе пересчитал? — строго спросила она, заглядывая мужу в глаза.

— Не помню ничего, Грунь, — Назар нахмурился, почесал висок. — Стал у лиственницы, подволоки в снег воткнул Фёдор стрелял, опосля дед Кузьма И всё.

— Ладно, лежи, — уже мягче сказала жена. — Сейчас взвару тебе наварю.

Она начала разворачиваться, но муж ухватил за руку.

— Погодь, Матвейку послушаю. — Со второго раза Назару удалось сесть. Он скривился от боли, но промолчал, стараясь натянуть улыбку. Приложился ухом к животу и легонько погладил рукой:

— Стучится уже, Матвей Назарыч.

— Да, ещё не родился, а чуть без отца не остался, — Груша старалась не разрыдаться, но на глаза навернулись слёзы. Она прикрыла рот ладонью.

— Груня, полно тебе. Живой я, — Назар поднял глаза на жену. — На кого бы я вас оставил? Присядь-ка. — Он похлопал по краю койки. Груша опустилась рядом с мужем, Назар поцеловал её в лоб.

— Всё, не плачь, а то малец тоже расстроится.

— Не плачу, — женщина утёрла слёзы. — Некогда мне тут с тобой рассиживаться. Пойду взвар приготовлю.

Груша поднялась, прикрыла койку занавеской и направилась к столу, где дочери доедали завтрак. Шум детских голосов будто отрезало, Назар остался один.

Рёбра болели — словно по ним телегой прокатали. Голова тяжёлая, руки ослабли. Он взглянул на бревенчатые стены: чуть поодаль висела икона Богородицы, украшенная сверху рушником, под ней — пучок зверобоя и ветка арсы*. Рядом с койкой висела заранее подготовленная люлька, которая крепилась на кольцо, вбитое в потолок.

Мужчина перекрестился и уронил руку на простынь.

«Стрелял Фёдор, потом дед Кузьма А дальше? Хоть убей не помню, — думал он. — Волк? Так некусанный я. Поди деревом каким придавило, снегом может?»

Назар заглянул под рубаху — на всю грудь расплылось тёмное пятно.

«Однако ничего не помню».

Мужчина закрыл глаза, тяжело вздохнул.

— Бедная моя Саяна. Страху натерпелась Спасибо, Господи, что не разродилась с перепугу без меня.

Он вновь перекрестился, чуть подтянул одеяло и задремал. В избе стало тихо. Лишь печь потрескивала дровами да за окном изредка подвывал ветер.

Груша, тяжело шагая, отправилась в сени, подошла к полкам, сняла берестяной короб с сушёными ягодами. Набрала малины, брусники, захватила листики душистой мяты.

В избе достала глиняный горшок, ополоснула квасом. Сыпала в него ягоды и мяту, залила крутым кипятком из чугуна. Размешала, добавила мёду на глаз, накрыла крышкой. Откинула железную заслонку печи, ухватом подцепила горшок и ловко поставила его в под — там жар уже не палит, а греет ровно и долго. Красноватый свет из печи осветил уставшее лицо.

— Вот, теперь постой там, — сказала она горшку и задвинула заслонку обратно.

Тяжело дыша, Груша опустилась на лавку. Поясницу тянуло под тяжестью живота — ходить становилось всё труднее. Дети играли. Дашутка учила сестёр пеленать тряпичную куклу. Дуняша заворачивала, Маняша глядела:

— Дунька, не так, — злилась старшая. — Тут подгинай, а там заткни.

— И так подгинаяю, — хмурилась Дуняша.

За окном уже рассвело, наступил короткий зимний день. Снег искрился и переливался под лучами солнца. Мороз чуть отступил, поэтому ребятня высыпала на улицу.

— Дашут, там потеплело сегодня, собери сестёр, сходите во двор. Тяте отдыхать надо, а от вас шуму много. Заодно курам зерна подсыпьте, — обратилась Груша к старшей дочери.

— Ура! — обрадовалась Маняша. — К курам пойдём!

— Оденься сначала, — Дашутка бросила в младшую треухом.

— Дочь, подсоби ей, — попросила мать.

Дашутка закатила глаза, но поплелась в сени за полушубком для Маняши.

Младшие вместе с Грушей пошли следом. Дуняша быстро застегнула тужурку и выскочила во двор.

— Дуня, обожди нас! — крикнула вслед Маняша, надевая рукавицы-перстятки.

— Иди уже, — буркнула Дашутка, поправляя одежду.

Маняша побежала за сестрой.

— Без меня к курам не ходить! — крикнула старшая вслед и обернулась к Груше:

— Маменька, иди в дом, я погляжу за ними.

Мать прижала к себе Дашутку:

— Не морозьтесь там, озябнете — сразу домой.

Дочь кивнула и отправилась к выходу.

Открылась дверь — в сени вошёл Игнат, как обычно в распахнутом тулупе. Из рта валил пар, от быстрого шага шапка съехала набекрень. Кончики усов и борода под губой покрылись лёгким инеем.

— Дашутка, тятка там как?

— Спит, — ответила девочка, проносясь мимо. — Нечисть ему кажется.

Груша окинула взглядом охотника, рукой пригласила его войти и переступила порог.

* нюдөө ани (бурят.) — «открой глаза»

*арса (бурят.) — можжевельник, используется для окуривания

Глава 4 Начало

Игнат пригнул голову и вошёл, захлопнув за собой дверь. Он скинул шапку, перекрестился на иконы. Иней у рта мгновенно растаял, оставив мелкие капли воды на жёсткой щетине.

Груша поставила на стол глиняный чайник с заваркой.

— Садись, — кивнула женщина. — Чаю налью, согреешься.

— Да я проведать только...

Охотник собирался присесть на лавку, но из-за занавески раздался хриплый голос:

— Игнат... иди сюда.

Груша вздрогнула, обернулась. Мужчина поднялся и поспешил к койке. Женщина направилась следом, резко замерла — ноющая боль сковала поясницу. Она сделала несколько глубоких вдохов и села на лавку, прижала ладонь к спине, переждала, выдохнула.

— Жив, чертяка! — радостно объявил Игнат.

— Жив, — глухо ответил Назар.

— Эка тебя снегом прихлопнуло. С самой большой ели насыпало.

— Снегом, значит... Не помню совсем.

Охотник присел на край койки, достал из запазухи флягу с медовухой и показал больному. Тот кивнул:

— Груша, принеси посуду.

— Тебе нельзя, — отозвалась жена.

— Пожалуйста.

— Иду.

Женщина медленно поднялась, достала с полки две глиняные кружки, тяжело шагая подошла к койке, вручила их Игнату.

Назар, увидев лицо жены, приподнялся на локте:

— Что? Пора?

— Сегодня, кажись, — ответила Груша. — К ночи.

— Баню готовить надо, — сказал муж и попытался встать. — Снегу натаскать в шайку.

— Лежи, — тронул его за плечо Игнат. — Сам натаскаю. Где вёдра?

— В предбаннике, — женщина отправилась к дверям.

— Мать, не скачи больно-то, Игнат найдёт.

— Найду, Груша, сиди дома, — отозвался охотник.

Он натянул полушубок, шапку и вышел.

Груша перевела дух, прижала ладони к животу:

— До вечера потерпи, сыночек.

Она подошла к красному углу, у икон ровно горела лампада. Огонёк тёплым мерцанием освещал лик Божьей Матери.

Женщина перекрестилась:

— Богородица-заступница, помоги нам.

Дверь распахнулась, в избу ворвался клуб морозного пара.

Вошли девочки, раскрасневшиеся, весёлые. С рукавиц и валенок закапала талая вода.

— Маменька, — позвала Маняша. — Там дядя Игнат в нашу баню снег таскает.

— Таскает.

— Почему? — удивилась она.

— Глупая ты, Манька, — ответила за мать Дашутка.

— Не ссорьтесь, — вздохнула Груша.

— Братик просится, да? — спросила Дуняша.

— Да. Тятка болеет, дядя Игнат на подмогу пришёл.

Женщина сидела на лавке, прижимая руку к пояснице. Она переждала тянущую боль, выдохнула и тихо сказала:

— Дашут, беги к бабке Стеше. Пушай приходит. К ночи, видать, пора будет. И скажи, что тятя проснулся.

Девочка кивнула и выскользнула за дверь, спустилась по ступенькам, выскочила во двор. Побежала к калитке и врезалась в Игната, несущего полные вёдра снега. Шапка чуть не слетела с её головы.

— Ты куда, Дашка?

— К бабке Стеше, — бросила она и побежала дальше.

Мужчина что-то хотел сказать, но девочка уже скрылась за поворотом.

— Ну беги, беги, — сказал он вслед.

Дашутка влетела в дом повитухи не постучавшись. Щёки румянились от мороза, девочка запыхалась, часто дышала.

— Баба Стеша, маменька прислала меня.

— Что, тятка очухался?

— Да! — задыхаясь, ответила Даша. — И братик тоже сегодня родится.

— Дождался, Назарка, — ухмыльнулась баба Стеша. — Ну добро, к вечеру буду. Беги домой, скажи.

Дашутка кивнула и выбежала обратно в мороз.

А бабка принялась собирать свой мешок: чистые тряпицы, сбор травяной, ножницы, нитки.

— Дай Бог, родим сегодня крепкого пострелёнка. Богородица-заступница, помоги, — она подошла к иконам, перекрестилась три раза и низко-низко поклонилась.

Дверь отворилась, и в избу, стряхивая снег с пухового платка, вошла баба Стеша. За спиной у неё висел холщёвый мешок.

— Ну что, Груша, ты, говорят, родить надумала?

— Надумала, — чуть улыбнувшись, ответила женщина. — Часто уже, — кивнула она на живот.

Назар сидел на койке, напряжённо переводя взгляд с жены на бабку и обратно.

Дуняша с Маняшей пеленали кукол, Дашутка сидела рядом с матерью, временами поглаживая её то по руке, то по спине.

Повитуха разделась, прошла к рукомойнику, долго и старательно мыла руки — с мылом, шаркая шершавыми ладонями. Потом вытерла их о чистое полотенце, висевшее тут же на гвозде, и только тогда подошла к роженице.

— Сейчас мы посмотрим, где там твой пострел, — она достала из своего мешка какую-то трубку, приложила один конец к животу, ко второму прислонилась ухом. Затем аккуратно ощупала живот.

— Не торопится дитё. Сиди пока.

— Чаю налью, — поднялась Груша с сундука.

— Не откажусь, — ухмыльнулась бабка и пошла проверить Назара.

Она подошла к койке, задёрнула занавеску.

— Что, голубчик, грудина болит?

— Болит, — отозвался Назар.

— Хорошо, — сказала бабка, доставая тряпицы из мешка. — Живой значит, — и засмеялась.

Мужчина усмехнулся в ответ, но закашлялся и схватился за грудь.

— Рано тебе хохотать. Сейчас замотаю — полегше будет. Подсоби-ка.

Назар с бабкиной помощью стянул рубаху. Старуха осмотрела его, достала густую жирную мазь и привычным движением принялась втирать её в рёбра охотника. Он кривился от боли, закусил губу, но молчал, временами тяжело вздыхая.

Затем баба Стеша туго замотала его грудь тряпицей.

— Ну как? — спросила она, явно довольная своей работой.

— Нормально, — отозвался больной.

— Баба Стеша, — позвала Груша. — Чай готов.

Старуха вышла, снова вымыла руки и уселась за стол.

Хозяйка достала сушёную морошку, сало, мёд. Поставила перед старухой глиняную кружку и налила густую заварку.

— Ох, ягоды я люблю. Старая уже, а до сладкого как дитё малое, — хохотнула повитуха.

— Лист малиновый пила, как я учила? — обратилась она к Груше. — Не первый раз, знаешь уже.

— Пила, — кивнула женщина.

— Добро, — баба Стеша перекрестилась. — Дай Бог, родим мальчика сегодня, — и громко швырнула чаем.

Вскоре женщины засобирались в баню. На улице уже потемнело. — Дашутка, уложи сестёр спать, — попросила Груша.

— Но я думала с тобой пойду, — ответила девочка, прижимая к себе материнскую руку.

— Там без тебя справимся, — Груша погладила дочь по макушке. — Ты мне тут подсоби, добро?

— Добро, — сказала Дашутка. — Девки, бегом спать!

Баба Стеша с Грушей рассмеялись, Назар от смеха и боли закашлялся на койке.

— Груня, я спать не буду, — отдышавшись, сказал охотник. — Помолюсь тут.

Женщина кивнула и медленно вышла следом за повитухой.

Баня уже протопилась, в предбаннике было прохладно, пахло дымом и берёзовым веником.

Пар повалил, когда баба Стеша отворила тяжёлую дверь.

— Ну, Аграфена, раздевайся, — скомандовала старуха, скидывая платок.

Груша стянула с себя шубейку, сарафан и осталась в рубахе.

В этот момент накатила очередная схватка, скрутила женщину, и она застонала, согнувшись.

— Полезай на полоч.

Роженица, переваливаясь, прошла в жаркое нутро бани.

Взяв Грушу под локоть, баба Стеша помогла ей подняться.

Женщина села на горячий полоч и ощутила приятное тепло. Мышцы начали расслабляться, на душе стало спокойней. Груша радовалась скорой встрече с сыном.

Повитуха поставила рядом деревянную кадучку, наполненную водой, приготовила чистые тряпки, ножницы, нить для пуповины.

— Давай, Аграфена, теперь твоя работа. Рожать ты умеешь, а я подсоблю.

Груша кивнула, облизнула пересохшие губы. Пар клубился под потолком, а за толстыми стенами бани завывала метель.

Назар сидел в тишине, дети уже спали. Дашутка долго не хотела ложиться, думала братика дожидаться, но отец настоял. Тогда девочка легла на лавку и велела побудить, когда Матвейка родится. На том и порешили.

— Долго нынче Груша моя мается, — беспокоился мужчина. — Так и петухи скоро запоют.

Лежать мочи не было. Он, кряхтя и морщась от боли, поднялся с койки. Медленно дошёл до дверей, накинуд на плечи полушубок, держась за стену спустился с лестницы и побрёл к бане.

— Баба Стеша, что там? — приложившись ухом к двери, спросил он.

Из бани доносился слабый стон жены.

Старуха выскочила в предбанник:

— Плохо дело, Назар, — затараторила шёпотом повитуха. — Не можем родить, большое дитя, видать. Измаялась девка уже вся, сил нет.— Назар, — позвала Груша.

Он вошёл в баню, теплом обдало лицо. На полке лежала жена в исподней рубахе, волосы прилипли ко лбу и щекам, губы побелели. Она крепко вцепилась рукой в край доски.

— Саяна... — мужчина замер.

— Дух леса сына хочет забрать, — тяжело дыша, прошептала она. — Онгона принеси с моего сундука.

— Саяна, ты же крестилась, — оторопел муж.

— Неси! — из последних сил рявкнула женщина.

Назар, не чувствуя боли, ринулся в избу, распахнул сундук жены и начал вытряхивать оттуда вещи. На пол упала фигурка.

Он схватил её и, не одеваясь, рванул обратно.

— Вот, это ты просила? — Назар вложил деревянного волка в горячую Грушину ладонь.

— Да, — выдохнула женщина. Она не посмотрела на мужа, только крепко сжала фигурку.

— А теперь уходите.

Глава 5 Незримая битва

— Груша, как ты одна здесь? — Назар встревоженно глядел на жену. — Не уйду!

Баба Стеша загородила собой роженицу и мягко сказала:

— Она мать, Назар, ей лучше знать. В предбаннике обождём.

Старуха взяла его под локоть, но мужчина выдернул руку.

— Тэнгэри минии! (Боже мой, Небеса мои!) — прокричала Груша из последних сил. — Намайе орхёо! (Оставьте меня!) Убирайтесь!

Назар побледнел, увидев перекошенное лицо жены. Она откинула голову на берёзовый веник, тяжело и часто дышала, схватившись за живот.

— Шустрее, ну! — баба Стеша схватила Назара за руку и потащила на выход, затем обернулась: — Мы в предбаннике обождём, родная.

Перекрестила Грушу, вышла и плотно захлопнула за собой дверь.

Мужчина стал как вкопанный перед дверями, со лба капал пот, лютая дрожь охватила его.

— А если не сможет? — шёпотом обратился он к старухе.

— На всё воля Божья, — вздохнула баба Стеша. — Молись, Назар. Как умеешь, молись.

Мужчина упал на колени и отчаянно начал читать молитвы — все, которые помнил.

Баба Стеша стояла рядом, шептала молитву Богородице.

Груша осталась одна в бане. Пар клубился под потолком, оседал на стенах, стекал каплями по её лицу.

Женщина села на полку, обхватив тугой живот, шепча только ей понятные слова, и вдруг замерла.

Показалось, что в бане стало темнее, пар сгустился, превращаясь в серые клубы. Из угла потянулась к ней лапа — большая, серая, с выпущенными когтями. Волчья лапа...

Груша хотела закричать, но грудь сдавило, голос пропал. Лапа потянулась к её животу.

— Не отдам, — наконец выдохнула она. — Не тронь, проклятый!

Женщина сжала онгон так, что дерево впилося в ладонь, и заговорила хрипло, громко:

— Энэ миний хүү! Энэ миний цус! Яба саашань! (Это мой сын! Моя кровь! Уйди!) Би бусаажа үгэхэгүйб! (Я не отдам!)

Лапа дёрнулась, но не исчезла. Груша почувствовала, как холод проникает в живот, скручивает внутренности. Она закричала:

— Тэнгэримни, шагнагты! Минии тэнгэри, хамгаалт! (Небо моё, услышь! Небо моё, защити!) — и подняла онгон над головой.

Пар рассеялся, лапа исчезла. Осталась только боль — острая, режущая.

Женщина упала на спину, на мокрые доски полка, и взвыла.

Но вой тот был победителя. Не Груша — Саяна отвоевала своё дитя в этой битве.

— Бабка Стеша! Иди сюда — сына рожать буду!

Старуха ринулась внутрь, захлопнув дверь прямо перед носом Назара. Мужчина остался стоять снаружи, дрожащими руками оперевшись на дверь. От бессилия он зарыдал.

— Давай, голубка моя, я с тобой, — сказала баба Стеша, засучивая рукава. — Тужься крепко!

Груша закричала — низким, звериным криком. Вцепилась в край полка, отчего пальцы побелели. В другой руке она держала фигурку.

— Давай, — крикнула бабка. — Ещё разок, последний!

Женщина рванулась вперёд, выдохнула и почувствовала, как тяжесть внутри отпустила. Осталась пустота и облегчение. Груша обессиленно откинулась на спину.

В тот же миг тишину разорвал крик — крепкий, звонкий. Младенец плакал, втягивая воздух грудью. Он дрыгал ножками и сжимал кулачки.

— Умница, — улыбаясь, похвалила повитуха. — Не мудрено, что родить не могла. Щёки, видать, не пролезали, — она засмеялась, укладывая младенца с пуповиной на материнскую грудь. — Сын у тебя - крепкий, в Назарку. Гляди, кулачищи какие!

Груша прижала к себе младенца, закрыла глаза, по щекам текли слёзы.

Рядом лежала деревянная фигурка волка, сбоку которой темнела тонкая, едва заметная трещина.

— Шоно, — шепнула Груша. — Ты будешь Шоно.

Младенец открыл глаза — тёмные, глубокие, как у неё. Он смотрел на мать взглядом взрослого человека.

Баба Стеша выглянула за дверь:

— Пуповину резать будешь? Назар моргнул несколько раз, чтобы стряхнуть слёзы с ресниц, и молча кивнул.

Он переступил порог на негнущихся ногах.

Жена лежала на полке бледная, прижимая сына к груди. Её трясло, зубы стучали.

— Груша, холодно тебе? — Так бывает, — шёпотом ответила женщина. Муж подскочил к ней, заглянул в свёрток:

— Матвейка! На тебя похож... — тронул пальчиком чёрные волосы на детской макушке, крепко поцеловал руку жены. — Спасибо.

Груша лишь молча улыbnулась.

— Давай, режь, не медли, — повитуха сунула Назару ножницы.

— Если не так отрежу? — испуганно посмотрел он на бабку.

— Как надо, так и отрежешь, — спокойно ответила та. — Отец же.

Мужчина перекрестился, выдохнул и, стараясь не трясти руками, перерезал пуповину одним точным аккуратным движением. Матвейка лежал спокойно, пригревшись у матери.

— Ну всё, теперь иди. Дальше сами управимся, — сказала баба Стеша, забирая ножницы.

Назар постоял ещё мгновение, затем шагнул на выход, держась за стены.

Выйдя из предбанника, он упал на колени. Нагрёб в ладони горсть колючего снега и вытер им лицо.

— Спасибо, Господи!

Еле-еле поднялся — только теперь он почувствовал, как сильно болят рёбра.

С трудом добравшись до избы, Назар тихонько отворил дверь, чтобы не разбудить дочерей.

— Тятя, братик уже родился? — послышался шёпот из темноты.

От неожиданности мужчина запнулся, но устоял.

— Дашутка, пошто не спишь? — также шёпотом ответил Назар.

— Проснулась — темно, и нет никого. Хотела в баню идти.

Отец сел рядом с дочерью на лавку, обнял её и погладил по макушке.

— Родился братик, скоро домой придёт.

— Ах, — Дашутка прижалась к отцу.

— Маменька умаялась там? Я помогу ей Матвейку нянчить.

— Дашут, ты лучину поставь, чтоб в потьмах не сидеть.

Девочка резво подскочила с лавки, взяла щепу из-за печи, открыла заслонку. Кочергой достала уголёк и подожгла от него лучину.

Поставила её к лавке у входа.

Назар сидел, прижавшись спиной к стене. Рёбра ныли сильнее. Но в груди радостно билось сердце : «Сын! Сын родился!»

Дашутка достала с полки свёрток, отковыряла ножом кусок от тёмного бруска, бросила в глиняный чайник с кипятком. Добавила соль, масло, муку. Размешала, налила в две кружки. Одну взяла себе, вторую протянула отцу. Нарезала хлеба и сала.

Мужчина смотрел на дочь и улыбался: «Совсем взрослая стала!»

Отворилась дверь, вошла баба Стеша, держа в руках объёмистый, бережно завернутый свёрток. За ней, чуть прихрамывая, переступила порог Груша.

Дашутка соскочила с лавки и подбежала к повитухе, заглядывая в свёрток:

— Покажи, покажи Матвейку!

Она чуть отодвинула ткань:

— Гляди, маленький какой! Чёрненький, на меня похож!

— Тише! — шикнула старуха. — Разбудишь.

Назар смотрел на жену. Она была бледной, уставшей до прозрачности, с тёмными кругами под глазами.

Чёрные длинные волосы рассыпались по плечам, падали на лицо и грудь, взгляд был твёрдым, прямым. В руке женщина держала деревянного волка.

Её красота стала другой — не той румяной, девичьей, а глубокой, как омут.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.